

И все же, никакое другое лицо не обладает способностью переставать быть самим собой в такой степени, как русское лицо. Отсюда столь характерны формы русского бездонного падения и искажающего, безудержного угара. Его призрачные облики на фоне бушующей пурги даны Блоком в эсхатологической картине «Двенадцать». Зачарованная революционным колдовством Россия символизируется пьяной и разбойной любовью красногвардейца Петрухи, Ваньки и гулящей дѣвки Кати. Блок, вырастающий здесь до подлинно гениальных размеров, мощным творческим актом совершенно устраняет себя со своей лирической тоской. Он до конца вживается в тяжелые и мучительные образы, с которыми связана гибель периода русской культуры, выдвинувшей Вл. Соловьева, Блока и софитологическую тематику Прекрасной Дамы. Ангела Хранителя натуралистического, хотя и плѣнительнѣйшаго образа Руси-жены. Руси-невѣсты уже нѣтъ, черная дѣйствительность первичныхъ страстей, тонущихъ въ крови и въ страданіяхъ, — поглощаетъ въ своемъ темномъ хаотическомъ чревѣ и самого Блока. Изъ этого чрева должно родиться и уже рождается нѣчто новое, невиданное, связанное съ Россіей лишь мѣсторазвитіемъ да языкомъ. Рождается нѣчто вполне защищенное и бронированное. Блокъ былъ также беззащитенъ, какъ и дореволюционная Россія. Онъ, гениальный представитель русской интеллигенціи въ ея поэтическомъ взлетѣ, могъ лишь томиться по Прекрасной Дамѣ-Ру-

си, но не могъ ни защитить ее, ни удержать ее, «уходящую въ поля безъ воротъ». Онъ не былъ рыцаремъ Прекрасной Дамы и связанной съ ней интеллигентско-дворянской культуры. На немъ не было ни шлема, ни латы, не держалъ онъ въ рукахъ ни щита, ни копья, ни меча. Онъ самъ не былъ защищенъ и не могъ защитить своей Дамы.

Авторъ «Незнакомки» не могъ преодолѣть природно-космическихъ стихій, которыми былъ завороченъ въ своемъ воспріятіи натурально-женственного образа Россіи. Онъ могъ только томиться и исходить въ гениальной лирической музыкѣ. И словно про него, сказалъ Фетъ:

Въ усердныхъ поискахъ вотъ вотъ
Пріемлетъ тайна ликъ знакомый,
Но сердца бѣднаго полетъ
Кончается одной безсильною истомой.

Томленіе это дошло до высшихъ степеней смертной тоски, и Блокъ угасъ когда столбами дыма и языками пламени революціоннаго костра была поглощена томившая его плоть Прекрасной Дамы.

Съ наступленіемъ революціи тема Блока кончилась, и зарево революціоннаго пожара освѣтило гигантскій обликъ Достоевскаго, этого поистинѣ духовидца-пневматолога и великаго мужественнаго трагика, оказавшагося не плѣнникомъ, но хозяиномъ вызванныхъ имъ образовъ.

В. Н. Ильинъ.

Парижъ.
Декабрь 1930.

Пути Движенія и Россія*)

I.

Жизнь нашего Движенія становится съ

*) Настоящій очеркъ, какъ и послѣдующіе, непосредственно примыкаетъ къ моимъ статьямъ, посвященнымъ идеоло-

каждымъ годомъ сложнѣе и богаче, а въ то же время растутъ и «проблематика» Движенія, умножается количество тѣхъ гій Р. Х. С. Д. (См. «Вѣстникъ» за 1929 годъ).

принципальныхъ вопросовъ, надъ рѣшеніемъ которыхъ бьется Движеніе. Самъ по себѣ этотъ фактъ является свидѣтельствомъ глубины и жизненности Движенія, не идущаго проторенными путями, но насыщенность проблемами только въ томъ случаѣ можетъ получить творческое значеніе, если эти проблемы будутъ осознаваться съ полной ясностью. Въ рядѣ очерковъ мнѣ хочется коснуться наиболѣе важныхъ и отвѣтственныхъ вопросовъ изъ жизни Движенія — и въ первую очередь, я хотѣлъ бы остановиться на той темѣ, которая становится все болѣе актуальной, но въ нашемъ сознаніи остается недостаточно продуманной — на темѣ о Россіи. Я формулирую эту тему такимъ образомъ: какое мѣсто въ будущемъ возрожденіи Россіи хочетъ занять Движеніе? Такой постановкой вопроса я совсѣмъ не хочу сказать, что вся тема о Россіи, какъ она переживается въ Движеніи, укладывается цѣликомъ въ этотъ вопросъ — это было бы просто невѣрно. Но всѣ наши размышленія и бесѣды получаютъ **отвѣтственную** постановку только въ томъ случаѣ, если мы связываемъ ихъ съ вопросомъ о томъ, что хотимъ мы взять на себя въ работѣ на возрожденіе Россіи. Это именно и есть отвѣтственная постановка, освобождающая насъ отъ безплоднаго, чисто обывательскаго суетловія.

Тема о Россіи — огромная, страшная, обжигающая. Когда придетъ часъ освобожденія нашей родины отъ кошмарнаго режима, въ которомъ она задыхается, передъ русскимъ народомъ встанетъ сразу огромное количество неотложныхъ, существеннѣйшихъ задачъ, для здороваго и творческаго разрѣшенія которыхъ нужна не только свобода, но и внутренняя собранность и цѣлостность духа. И въ народѣ и въ интеллигенціи частью глубоко потрясены, а частью и совсѣмъ разрушены тѣ основы жизни, которыя сложились въ процесѣ вѣкового историческаго развитія. Повернуть на старые пути невозможно и

безплодно, а для созданія новыхъ формъ жизни, творческихъ и здоровыхъ, нужна огромная духовная сила, нужна ясная и дѣйственная цѣльность, преодолевающая все, что раздражаетъ и ослабляетъ душу народа. Въ этой огромной и трудной задачѣ, которая станетъ передъ Россіей на другой день послѣ ея вѣшняго освобожденія, исключительное мѣсто занимаетъ вопросъ о Православной Церкви, къ которой народная душа потянется въ дни своего воскресенія со всей силой. Явится ли наша Церковь **одной изъ** творческихъ, строительныхъ силъ — или она займетъ уготованное ей **центральное** мѣсто? Внѣшнее и внутреннее устройство Россіи будетъ ли одушевлено и освящено идеей православной культуры или идея эта будетъ удѣломъ отдѣльныхъ мечтателей, безсильнымъ зажечь ею народную душу?

Это не праздный, не пустой вопросъ, — а самый основной и существенный во всей темѣ о Россіи. Сомнѣваться въ ея силахъ, въ ея огромной исторической мощи, которая въ атмосферѣ свободы проявится въ небывалой степени, не приходится, но никто не знаетъ, куда пойдетъ Россія въ своемъ новомъ мірочувствіи, что станетъ ея основной движущей силой. Никогда Православная Церковь не была такъ близка къ народной душѣ, какъ близка она нынѣ, никогда передъ ней не раскрывались возможности положительнаго историческаго дѣйствования съ такой силой, какъ это будетъ по освобожденіи Россіи отъ нынѣшней власти, — но никогда не знала наша Церковь такихъ трудностей, какъ нынѣ. Въ этой борьбѣ за душу Россіи, что захочетъ сдѣлать наше Движеніе, какой живой задачей загорится оно? Какое участіе приметъ оно въ этой отвѣтственной и огромной работѣ творческаго вліянія на русскую жизнь?

Оно, конечно, не будетъ пассивнымъ, — какъ и все въ Россіи, оно загорится въ дни нашего возрожденія новымъ огнемъ, найдетъ въ себѣ новыя силы и будетъ крѣпкимъ и мощнымъ. Я вѣрю въ это

всей душой — и такъ хотѣлъ бы и самъ дожить до этой поры, войти въ радость русскаго возрожденія и принять участіе въ творческомъ прудѣ, который откроется тогда передъ всѣми нами. Я вѣрю въ то, что наше Движеніе найдетъ въ пасхальной радости возрожденія родины новыя могучія силы, развернется широко и полно. Но куда пойдетъ путь Движенія? Храня свою основную религіозную идею, будетъ ли Движеніе собирать кругомъ себя тѣхъ, кому нужно будетъ укрѣпленіе религіозныхъ силъ души, чтобы отдать ихъ затѣмъ русской жизни — или наше Движеніе поставитъ себѣ и положительныя задачи въ отношеніи къ русской жизни? Будетъ ли оно укрѣплять духовно отдѣльныхъ людей или же попробуетъ войти какъ щѣлое въ жизнь нашей родины, какъ нѣкая творческая сила?

Въ обоихъ случаяхъ наше Движеніе будетъ съ Православной Церковью; будетъ съ нею набираться силъ и вдохновенія. То, что наше Движеніе породило за годы эмиграціи, такъ глубоко открыло передъ нимъ правду и силу Церкви, такъ полно и серьезно напитало его духомъ церковности. Но это одно еще не предопредѣляетъ пути нашего Движенія — въ той конкретной постановкѣ, какая дана выше. Общая задача Движенія заключается въ томъ, чтобы привлекать къ Православной Церкви молодежь, укрѣплять и развивать ея религіозную жизнь, звать къ Христу тѣхъ, кто отошелъ отъ вѣры или не зналъ ея. Движеніе служитъ Церкви во «внѣшнемъ дворѣ», исповѣдуя открыто и прямо свою вѣру во Христа и Его Церковь, призывая къ преображенію всей жизни въ христіанскомъ духѣ. Но въ служеніи этой задачѣ возможно два пути, — и на оба эти пути наше Движеніе вступило уже здѣсь, — вступило безъ особыхъ размышленій, повинувшись непосредственнымъ зовамъ жизни, не чувствуя съ достаточной силой той проблемы, которая здѣсь выдвигается. Ходомъ нашей внутренней жизни мы уже подведены къ

тому, чтобы эта проблема была поставлена съ полной опредѣленностью, а то, что рѣшеніе этой проблемы должно быть отвѣтственно связано съ тѣмъ, какое мѣсто хочетъ занять Движеніе въ прядущемъ возрожденіи Россіи, лишь усиливаетъ значительность и актуальность самой проблемы.

Попробуемъ сначала съ полной отчетливостью поставить самую проблему, чтобы подойти затѣмъ къ рѣшенію ея.

Въ Движеніе наше идутъ тѣ, кто прежде всего для себя ищетъ сближенія съ другими вѣрующими людьми, кто хочетъ найти въ этомъ сближеніи помощь въ своей духовной жизни, въ своихъ исканіяхъ и сомнѣніяхъ. Движеніе, въ этой его сторонѣ, творитъ нѣкую «миссіонерскую» работу, помогая каждому своему отдѣльному члену приблизиться къ Церкви, какъ источнику духовнаго питанія, помогая окрѣпнуть настолько въ своей церковной жизни, чтобы каждый могъ затѣмъ самостоятельно черпать изъ сокровищницы Церкви. Задача эта въ наше время очень сложна и трудна въ силу ряда историческихъ причинъ, и Движеніе, ставя себѣ эту задачу, беретъ за очень важное дѣло. Это есть его служеніе Церкви, которая не располагаетъ иными силами для рѣшенія существеннѣйшей задачи привлеченія молодежи къ Церкви. Какъ чисто мірянская организація, Движеніе можетъ привлекать тѣ слои молодежи, которые не могутъ прямо обратиться къ Церкви; въ этомъ своемъ существѣ Движеніе является церковно воспитательной силой, устраняя тѣ идейныя, психологическія затрудненія, которыя мѣшаютъ молодежи прямо обратиться къ Церкви. Современная культура настолько внѣцерковна, что не будучи даже агрессивнo антирелигіозной, она очень глубоко и настойчиво отводитъ молодыя души отъ Церкви, ослабляетъ внутреннія связи съ Церковью. Эти тенденціи жизни вовсе не поверхностны и не случайны, — они очень глубоко связаны съ важнѣйшими

духовными особенностями новѣйшей исторіи, очень тонко и умѣло отводятъ они молодежь отъ Церкви. Поскольку Движеніе прямо и открыто подымаетъ знамя христіанства, поскольку оно питается Церковью, оно раздѣляетъ ее горькую судьбу, остается чужимъ и далекимъ для огромныхъ слоевъ молодежи. И все же оно можетъ работать среди молодежи, можетъ собирать кругомъ себя болѣе живыя души и приближать ихъ къ Церкви. Черезъ Движеніе не мало людей вернулись въ Церковь, — это опредѣляетъ существенную и важную функцію Движенія, опредѣляя его незамѣнимый путь.

Въ свѣтъ всего того, что даетъ намъ опытъ нашего прошлаго, участіе Движенія въ жизни свободной Россіи достаточно опредѣляется этой «прицерковной» задачей, борьбой за вѣру среди тѣхъ, кто ее потерялъ, кто остался внѣ вліянія Церкви. Въ борьбѣ Церкви за народную душу роль Движенія такъ значительна, такъ важна и такъ трудна въ то же время, что этой одной задачею достаточно, чтобы уяснить себѣ всю отвѣтственность Движенія въ работѣ его. Достаточно вспомнить о страшной разрушительной работѣ среди безбожниковъ, — чтобы отдать себѣ отчетъ въ томъ, какъ велика и трудна будетъ задача Движенія въ борьбѣ за вѣру.

Но уже то, что пережило Движеніе за послѣдніе годы своей жизни, далеко расширяетъ его первоначальныя задачи, раздвигаетъ его перспективы и зоветъ его на новые пути. Призывая къ вѣрѣ въ Христа, возвращая и приближая къ Церкви, Движеніе все время жило и живетъ не только идеей Церкви, но и идеей церковной культуры, т. е. задачей освященія и преображенія всей жизни нашей въ духѣ Церкви. Это уже не есть движеніе къ Церкви, но и движеніе изъ Церкви — это есть новая безмѣрная и грандіозная задача, находящая свое выраженіе въ замыслѣ православной культуры. Поскольку Движеніе живетъ этимъ замысломъ, оно,

быть можетъ, еще ближе къ Церкви, чѣмъ даже въ первой своей задачѣ, ибо Церковь и есть благодатная сила для преображенія всей жизни. Церковь забыта, какъ источникъ культуры, какъ творческая сила жизни, — а между тѣмъ насущнѣйшая тема исторіи всегда была и остается связанной съ Церковью. Какъ путь спасенія, Церковь и есть преображающая сила исторіи; личное спасеніе происходитъ не мимо исторіи и не внѣ ее, а наоборотъ, является важнѣйшимъ содержаніемъ исторіи. Преображающее дѣйствіе Церкви не исчезло, не ослабѣло и въ наши дни, но поскольку въ нашемъ сознаніи разъединены сферы Церкви и жизни, дѣйствіе Церкви ослабляется и затрудняется этимъ. Какія церковныя силы могутъ способствовать тому, что сила Церкви будетъ принята жизнью, что освященіе историческаго процесса станетъ творческимъ и мощнымъ? Средневѣковая теократія является роковымъ опытомъ «клирократіи»; этотъ опытъ кончился, клиру никогда и нигдѣ не вернуть себѣ того положенія, какое онъ занялъ въ Западномъ христіанствѣ въ силу ряда историческихъ причинъ. Задача преображенія міра въ духѣ Церкви является чисто мірянской задачей — не въ томъ смыслѣ, что міряне должны здѣсь дѣйствовать отдѣльно отъ клира, а въ томъ смыслѣ, что дѣйствуя вмѣстѣ съ клиромъ міряне должны все же взять на себя главную работу. Возвратъ къ церковной культурѣ является единственнымъ выходомъ изъ тѣхъ внутреннихъ тупиковъ, въ которыхъ очутились христіанскіе народы, въ томъ числѣ и Россія; въ частности возрожденіе Россіи заключается не въ одномъ политическомъ и экономическомъ ея устроеніи, но еще больше въ выпрямленіи ея духовной силы, въ цѣлостномъ раскрытіи этой силы. Возрожденіе Россіи будетъ полнымъ, творческимъ, глубокимъ лишь въ томъ случаѣ, если путь Россіи будетъ освященъ идеей церковной культуры. Я не касаюсь здѣсь всѣхъ сложныхъ вопро-

совъ, связанныхъ съ проблемой построения православной культуры въ будущей Россіи, — мнѣ достаточно только подчеркнуть, что возрожденіе Россіи не можетъ быть глубокимъ и творческимъ въ осуществленіи и расцвѣта замысла православной культуры. Русская интеллигенція и русскій народъ должны стать едины именно на этомъ пути, и вождями въ этомъ устремленіи къ православной культурѣ должно быть объединеніе мірянъ, несущихъ знамя Православной культуры. Въ единой жизни Церкви клиръ (не самъ, но вмѣстѣ съ мірянами, будучи однако предстоятелемъ мірянъ, «церковнаго народа») хранить преемственно благодатную силу священства, безъ котораго невозможно совершеніе таинствъ, какъ основной животворящей силы Церкви, — а міряне (тоже вмѣстѣ съ клиромъ, но уже не замѣщаемые клиромъ) несутъ свое великое служеніе Церкви черезъ твореніе церковной культуры.

Путь православной культуры именно въ этомъ и освобождается отъ роковыхъ ошибокъ средневѣковья. Наше Движеніе есть начало этого великаго дѣла, есть первые, хоть и слабые въ проявленіи, но могучіе въ своемъ вдохновеніи начатки построения православной культуры. Движеніе должно расширить свои границы, должно быть не только объединеніемъ вѣрующей и ищущей вѣры молодежи, но должно включить въ свой составъ и зрѣлое поколѣніе, отвѣтственное за устройство русской жизни. Всѣ задачи Движенія такъ органически связаны въ немъ, такъ изнутри предопредѣлены его преданностью Церкви и его церковно-мірянскими задачами, что ограничить Движеніе первой задачей было бы невѣрно. Помогая отдѣльнымъ своимъ членамъ укрѣпляться въ своей религіозной жизни, ведя ихъ къ Церкви и творя свою «миссіонерскую» задачу, Движеніе должно быть въ то же время творческой силой жизни, реальнымъ и дѣйственнымъ ея факторомъ.

Не утопія ли все это? Не дышетъ ли

все это дерзкимъ самомнѣніемъ? Не чувствуется ли въ этомъ планѣ старая интеллигентская закваска, — во всѣхъ этихъ «міровыхъ» масштабахъ и непосильныхъ задачахъ?

Эти вопросы законны, эти сомнѣнія понятны, но и отвѣтъ на нихъ не труденъ. Вся «утопія» замысла православной культуры (которая была и раньше, но не была осознана до конца) заключается въ нашей вѣрѣ въ Церковь. Да, мы вѣримъ въ Церковь, какъ силу устройства жизни, вѣримъ въ Церковь, какъ цѣль исторіи, — и въ этой вѣрѣ гораздо больше реализма и трезвости, чѣмъ въ теоріи прогресса или въ социальныхъ утопіяхъ. О «дерзкомъ самомнѣніи» было бы умѣстно говорить, если бы мы вѣрили въ Движеніе, какъ организацию — но для насъ Движеніе не есть самодовлѣющая организациа, а есть лишь средство въ построеніи жизни. Любя Движеніе и работая въ немъ, мы служимъ не «интересамъ» Движенія, а интересамъ Церкви: мы **черезъ Движеніе** служимъ ей. Какое самомнѣніе вѣрить въ священный символъ и творческую силу Церкви? Какъ бы ни было слабо въ своей реальности Движеніе, но правда и сила его идеи не могутъ быть поколеблены этой слабостью Движенія.

И если Движеніе въ своихъ широкихъ замыслахъ вызываетъ упрекъ въ томъ, что оно не освободилось отъ «интеллигентщины», то на это должно сказать, что грѣхъ и неправда нашей интеллигенціи заключался не въ ея идеализмъ, а въ ея ирреализмъ. Отсутствіе трезвости, чувства реальности вытекали вовсе не изъ идеализма интеллигенціи, а наоборотъ, они то и мѣшали идеализму, превращая его въ роковую утопізмъ. Поскольку мы хотимъ служить Россіи, подымая священный стягъ православной культуры, мы раскрываемъ церковный смыслъ того лучшаго, чѣмъ жила русская интеллигенція. Не упрекъ, а похвала заключена въ мысли, что Движеніе близко къ былой интеллигенціи въ сво-

ей безпредѣльной преданности тому, что оно считаетъ священнымъ. Лишь бы это священное было подлинно, а не лживо, глубоко, а не поверхностно священнымъ.

Тема о Россіи, глубоко лежитъ въ сердцѣ каждаго русскаго человѣка. Но въ Движеніи нашемъ эта тема о Россіи раскрывается, какъ замыселъ православной культуры, какъ поставленіе Церкви въ основу жизни. Движеніе должно вести къ Церкви, но оно одновременно должно нести начало церковности въ жизнь. Нельзя мыслить Церковь отвлеченно, внѣ исторіи, внѣ родины; но нельзя мыслить

и родину внѣ Церкви. Церковь и родина — священны для насъ, но это не два священныхъ начала, а одно. Служа Церкви, привлекая сердца отпавшихъ къ церкви, мы служимъ тѣмъ обновленію родины, а служа родинѣ черезъ устроеніе ея жизни по путямъ православной культуры, мы служимъ Церкви. Это расширяетъ наши задачи? Да, но и окрыляетъ насъ. Это намъ не по силамъ? Да, но въ правдѣ церковности, въ правдѣ идеи православной культуры открываются новыя силы. Съ нами Богъ.

В. В. Зѣньковскій.

Борьба за вѣру въ СССР.

(Обзоръ за 1930 г.).

1930 годъ начался въ области борьбы съ религіей подъ лозунгами «сокрушительнаго удара по религіи» 1), «ликвидациі Церкви и полнаго уничтоженія религіозныхъ предрасудковъ» 2), антирождественская кампанія оказалась кульминаціоннымъ пунктомъ страшнаго антирелигіознаго штурма, подготовленнаго лѣтомъ 1929 г., и, начиная съ осеннихъ мѣсяцевъ, стремительно и систематически проводившагося. — Церкви закрывались сотнями, на примѣръ 3), въ Бдожецкомъ округѣ, гдѣ съ 1917 года по 1 сентября 1929 г. изъ 320 церквей было закрыто всего 12, «за время антирождественской кампаніи прикрыто свыше 100 церквей», «въ Тульскомъ округѣ изъ 760 церквей съ октября по январь закрыто 200» и т. д. Въ началѣ 1930 года было приступлено уже къ массовому выселенію сельскаго духовенства наравнѣ съ «кулаками». Тѣ «служители культа», которые еще удерживались на мѣстахъ, жили подъ такимъ гнетомъ, что положеніе ихъ становилось совершенно непереносимымъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе непосильнаго переобремененія налогами, неплатежъ которыхъ влекъ за собой неизбѣжный арестъ. Къ Пасхѣ разгромъ религіозныхъ орга-

низациій долженъ былъ завершиться почти полнымъ уничтоженіемъ ихъ, а къ концу года такими насильственными способами должна была быть «ликвидирована» и сама религія. «Безбожникъ у станка» 4) писалъ: «Въ теченіе 1930 года мы должны превратить нашу красную столицу въ Москву безбожную, наши деревни въ безбожныя колхозныя деревни».

Эта насильственная «ликвидациія» религіи натолкнулась на сильное сопротивление вѣрующихъ массъ. Ярославскій вынужденъ былъ признать, что «въ дѣлѣ антирелигіозной пропаганды отсутствіе серьезной подготовки, мысль о томъ, что это можетъ пойти самотекомъ, что можно однимъ штурмомъ религію уничтожить, приводитъ къ совершенно отрицательнымъ результатамъ». 5) Результатомъ насильственныхъ методовъ явилось «усиленіе религіознаго фанатизма въ массахъ». Въ рядѣ мѣстъ коллективизациія срывалась именно вслѣдствіе того, что увязывалась съ насильственнымъ внѣдреніемъ безбожія. Пришлось приостановить безбожный штурмъ, а это означало срывъ всего намѣченнаго плана и внесло въ конечномъ результатѣ страшную дезорганизацію въ безбожный станъ. Значительное вліяніе оказало при этомъ и загра-